

МАЙ 2008

762

ПРОВЕРЕНО

90000

206
1985 г.
Л-933

Комитет Государственной Думы.

Проф. П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ.

ОСНОВЫ

Гражданской Свободы.

Издательство „Освобожденная Россія“.

№ 17.

Цена 15 к.

219840 (с.к.ч.)

Чтобы вести войну—нужны деньги.

Подписывайтесь на заемъ свободы!

Новое Правительство, облеченное довѣ-
ріемъ народа, будетъ расходовать ихъ на дѣло
народа.

Всѣ, кто любитъ родину, подписывайтесь
на заемъ свободы!

БЕРЕГИТЕ КНИГУ!

**По прочтеніи—передавайте
другимъ.**

Основы гражданской свободы.

Жизнь каждого общества развивается подь воздѣйствіемъ двухъ началъ: начала личнаго или индивидуальнаго и начала группового, коллективнаго или государственнаго. Личное начало есть носитель свободныхъ стремленій духа, возникающихъ на почвѣ особенныхъ потребностей, стремленій и убѣжденій каждого отдѣльнаго чело-вѣка. Оно рассматриваетъ удовлетвореніе этихъ потребностей и стремленій, какъ высшую цѣн-ность и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ отдѣльной личности широкое творческое участіе въ дѣлѣ общаго строительства жизни. Начало групповое и, какъ частный видъ его, начало государствен-ное является скрѣпляющимъ звеномъ между от-дѣльными живущими въ обществѣ людьми. Оно сводится къ такому ограниченію начала личнаго, при которомъ могли бы взаимно примиряться отдѣльныя личности и личный интересъ подчи-нялся бы интересамъ цѣлаго, потребности созда-нія прочнаго общенія или прочнаго государствен-наго союза.

Въ каждый періодъ общественнаго развитія между началомъ личнымъ и групповымъ уста-навливается извѣстное соглашеніе (компромиссъ).

Это соглашеніе, находящее свое выраженіе въ формѣ требованій права, нравственности, обычаевъ, религіозныхъ убѣжденій и пр., кладется въ основаніе оцѣнки нашего поведенія съ общественной точки зрѣнія. Право и нравственность устанавливають для каждаго члена общества извѣстную область „свободы“, т. е. такого безпрепятственнаго проявленія своей дѣятельности, при которомъ никто другой, въ частности существующая власть, не вправѣ мѣшать ему или ставить какія либо препятствія. Съ другой стороны, государственная или иная власть общежитія съ помощью законовъ устанавливають границы, чрезъ которыя человѣкъ не долженъ преступать, ибо преступивъ ихъ, онъ станетъ угрожать всему обществу цѣломъ или свободамъ другихъ членовъ общества. Эти границы называются „требованіями общественнаго или публичнаго порядка“. Отсюда самое понятіе свободы общественной или государственной, поскольку мы будемъ противопоставлять его понятію свободы естественной, можетъ быть опредѣлено, какъ „право безпрепятственной личной дѣятельности, ограниченное въ своихъ проявленіяхъ требованіями общественнаго или публичнаго порядка“. Англичане, наиболѣе свободолюбивая изъ всѣхъ націй, опредѣляютъ свободу какъ „возможность поступать какъ угодно человѣку въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ“. При такомъ опредѣленіи свободы особое значеніе придается закону. Именно законъ, а не

чье либо распоряженіе или чей либо приказъ, ставить границы свободной дѣятельности людей. Поэтому законъ долженъ являться не случайнымъ приказомъ властителя или небольшой кучки людей, а произведеніемъ „общей воли“, отраженіемъ голоса всего народа, находящаго свое выраженіе чрезъ выборныхъ людей въ парламентахъ. Только они вправѣ сказать, гдѣ проходитъ граница между тѣмъ, что допустимо въ общихъ интересахъ и тѣмъ, что недопустимо.

Но до того, какъ въ Европѣ создались такія представительныя законодательныя учрежденія съ участіемъ народныхъ избранниковъ (а это произошло повсюду, кромѣ Англіи, только въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ), трудно было ссылаться на законы, какъ на правильную границу для свободы, такъ какъ законы были очень несправедливы и служили скорѣе, интересамъ немногихъ людей, стоящихъ у власти, чѣмъ интересамъ всего народа. Съ помощью революцій, первой изъ которыхъ явилась великая французская революція 1789 г., народъ ниспровергнулъ такое тираническое господство надъ закономъ меньшинства и устроилъ законодательную власть на началахъ выборности отъ всего населенія. Вполнѣ понятно, что народъ, низвергнувъ старую законодательную власть, не могъ считать вполнѣ справедливыми и тѣ старые законы, которые были ею созданы. Эти старые законы уже слишкомъ стѣсняли свободу ненужными ограниченіями и не могли со-

храниться въ новомъ строѣ, гдѣ личность приобрѣла гораздо больше значенія. Необходимо было выработать новые законы для самыхъ разнообразныхъ областей жизни. Выполнить эту работу скоро и хорошо не такъ-то уже легко. Чтобы написать хорошій законъ, нужно не только ясно понимать самыя разнообразныя потребности народа и учитывать самыя разнообразныя послѣдствія, но и убѣдить всѣхъ выборныхъ, участвующихъ въ законодательствѣ, въ пользѣ и правильности этого закона и побороть всякія возраженія, которыя могутъ быть противъ него приведены. Поэтому даже очень нужные законы издаются не очень скоро. Изъ этого затрудненія французская революція вышла такимъ путемъ, что Учредительнымъ Собраніемъ была составлена „Декларація Правъ“, т. е. торжественное заявленіе о правахъ, принадлежащихъ, по мнѣнію Учредительнаго Собранія, всякому человѣку и гражданину въ отношеніяхъ его къ государственной власти. Эти права разсматривались не какъ права, вытекающія изъ законовъ, а какъ „прирожденные“ или „естественныя“ права, данныя съ рожденія человѣку природой. Въ числѣ правъ, провозглашенныхъ французской Деклараціей (объявленіемъ), мы находимъ права свободы вѣроисповѣданія, свободы печати, слова, собраній, права петицій, свободы отъ ареста, отъ конфискаціи, обыска и т. п. Провозглашеніе этихъ правъ было какъ бы принципиальнымъ признаніемъ ихъ со стороны новаго народ-

наго законодателя и каждый, хотя бы соотвѣтственнаго закона еще и не было издано, могъ считать себя свободнымъ въ осуществленіи этихъ правъ. Предѣлы этимъ естественнымъ или, вѣрнѣе, провозглашеннымъ правамъ ставились естественнымъ же разумомъ. Эти права свободы не должны быть обращаемы въ средство разрушенія общественнаго союза или въ орудіе гражданской войны. Поэтому естественными предѣлами свободы должны признаваться сохраненіе государственнаго союза и взаимное уваженіе къ свободѣ другихъ лицъ. Это послѣднее начало было выражено Кантомъ въ видѣ правила: „дѣйствуй такъ, чтобы твоя свобода могла быть совмѣщена со свободой другихъ лицъ“. Эти разумныя самоограниченія свободой являются необходимыми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе паденія ли силы старыхъ законовъ или въ виду фактическаго безсилія власти, каждый человѣкъ самъ становится судьей своихъ поступковъ и несетъ за нихъ отвѣтственность передъ родиной. Въ такихъ случаяхъ каждый обязанъ поставить себѣ такой вопросъ: хотя на дѣлѣ я и могъ бы поступить такъ-то, не рискуя, что меня за это привлекутъ къ суду и подвергнуть наказанію, но могу ли я нравственно, съ точки зрѣнія правильно понимаемой свободы, сдѣлать это? Такая внутренняя провѣрка своихъ дѣйствій, которая должна быть у каждаго совѣстливаго и разумнаго человѣка, называется сознаніемъ нравственной отвѣтствен-

ности. И чѣмъ выше въ народѣ развита эта нравственная отвѣтственность, тѣмъ болѣе широкой свободой онъ можетъ пользоваться и тѣмъ меньше законовъ нужно, чтобы эту свободу опредѣлять. Напротивъ того, отсутствіе или неразвитость такой нравственной отвѣтственности чаще всего приводитъ къ анархіи, т. е. полному распаду всякаго порядка, взаимнымъ распрямъ и междоусобіямъ, и въ результатъ влечетъ потерю свободы и возстановленіе стараго деспотизма. Развитію такой нравственной отвѣтственности способствуютъ просвѣщеніе народа, его политическое воспитаніе и привычка къ совмѣстной общественной работѣ и дѣятельности. Вотъ почему свободный политическій строй долженъ всегда на первое мѣсто ставить интересы народнаго просвѣщенія, свободную проповѣдь политическихъ взглядовъ и поощреніе всякимъ союзамъ, обществамъ и инымъ организаціямъ. Только съ помощью всего этого онъ можетъ углубить въ общемъ сознаніи то чувство нравственной отвѣтственности, которое является дѣйствительною сдержкой широкой свободы.

Потребность въ сознаніи нравственной отвѣтственности особенно сильна въ періоды революцій въ родѣ тѣхъ, которыя теперь переживаетъ наше отечество, когда новый строй и новые законы частью еще не выработаны, частью не успѣли еще окрѣпнуть. Есть много людей, съ опаской смотрящихъ на всякую новизну. Они привыкли къ обычной обстановкѣ жизни, для нихъ дорогъ

ихъ маленькій уголокъ спокойной жизни, изъ котораго они выходятъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ на болѣе широкою общественную дорогу. Въ своей массѣ эти люди представляютъ большую силу. Призракъ анархіи, нарушающей внутренній миръ страны, немедленно создаетъ въ этой массѣ такую тревогу, что она готова пойти вслѣдъ за всякимъ человѣкомъ или группою людей, которые не остановятся предъ самыми рѣшительными мѣрами къ подавленію этой анархіи. Въ результатъ происходятъ не только большія внутреннія кровопролитія, такъ называемая гражданская война, но и наступаетъ реакція, т. е. поворотъ назадъ, возвращеніе старыхъ порядковъ и уничтоженіе всѣхъ тѣхъ новыхъ завоеваній, которыя были даны революціей. Всякій сторонникъ свободы долженъ заботиться, чтобы не вызвать кровопролитія и реакціи неправильнымъ пониманіемъ предѣловъ свободы. Онъ долженъ считаться съ тѣмъ, что имѣются такія области жизни, куда можетъ вторгнуться только законъ или судъ, а не отдѣльныя лица. Иначе будетъ нарушено правило о взаимности правъ свободы, безъ котораго не мыслимъ ни одинъ свободный строй. Какъ бы я ни ненавидѣлъ или презиралъ кого либо, я не вправѣ самъ раздѣлаться съ нимъ, а долженъ обращаться къ помощи суда. Какимъ бы опаснымъ въ политическомъ отношеніи я ни считалъ бы другого человѣка, я не въ правѣ самъ арестовать его, а долженъ обратиться къ соотвѣтствующей власти,

которой это право предоставлено. Какой бы несправедливостью я ни считалъ бы обладаніе другимъ человѣкомъ земель, капиталами, средствами производства, я не вправѣ захватывать ихъ, пока законъ, принятый представителями народа, не признаетъ необходимости отчужденія и не предпишетъ этого. Итакъ, судъ и законъ стоятъ на стражѣ свободы каждаго и внѣ этихъ границъ существуетъ только насиліе, а не свобода.

Права свободы противопоставляются правамъ государства. Въ области опредѣленныхъ отношеній, другихъ затрагивающихъ личность человѣка, признается, что государство не должно проявлять своего вмѣшательства и создавать какихъ либо помѣхъ. Съ другой стороны, для достиженія своихъ цѣлей государство не должно низводить личность гражданина на степень простого раба. Оно должно сознавать, что свободный гражданинъ является тѣмъ основаніемъ, изъ котораго складывается вся государственная воля, и потому въ государствѣ не терпимо ни одно учрежденіе, закрѣпощающее личность гражданина. Тотъ строй государства, который покоится на закрѣпощеніи личности, называютъ — деспотическимъ строемъ. Государственный строй, при которомъ власть поставила себѣ опредѣленные предѣлы невмѣшательства въ дѣятельность гражданъ, называется либеральнымъ строемъ. Либерализмъ, какъ политическое теченіе, господствовалъ во всей Европѣ въ теченіе XIX вѣка и произвелъ крупнѣшія реформы въ стрѣхъ

государственныхъ учреждений и въ области государственной политики. По воззрѣніямъ либераловъ, государство должно вообще воздерживаться отъ вмѣшательства въ различныя области жизни: въ производство, въ торговлю, въ просвѣщеніе, въ договоры, въ воспитаніе и т. д. Естественной областью охраны для государства является только внѣшняя и внутренняя безопасность государства и публичный порядокъ. Но развитіе общественной жизни во второй половинѣ XIX вѣка показало недостаточность такого пониманія задачъ государства. Государственная власть была призвана къ болѣе широкой дѣятельности. Такъ, признано, что она не должна ожидать, пока тѣ или иные общественныя или частныя организациі создадутъ просвѣтительныя учрежденія, но обязана сама взять въ свои руки народное просвѣщеніе, установивъ всеобщее обязательное обученіе. Она не можетъ равнодушно смотрѣть на угнетеніе одними классами населенія другихъ, а должна оказывать помощь слабѣйшимъ классамъ посредствомъ регулированія вопроса о стачкахъ и о заработной платѣ, о фабричномъ трудѣ, о государственномъ страхованіи, объ общественномъ призрѣніи. Она не должна полагаться на свободное соревнованіе въ области торговли и промышленности, но обязана проявить энергію къ развитію промышленныхъ силъ страны, къ усиленію ея торговли и хозяйственнаго почина. Особенно рѣзко такое вмѣшательство государства во всѣ области жизни проявилось въ теченіе настоящей

войны. Почти во всѣхъ странахъ государственная власть издала подробныя правила о цѣнахъ на различные припасы и предметы первой потребности, ограничила потребление и производство, подчинила своему непосредственному контролю всю промышленность. Такое неизбежное расширение области государственнаго вмѣшательства привело къ перестройкѣ самого государства. Государственная власть перестала быть достояніемъ однихъ чиновниковъ, какъ это было въ прежнее время. Въ составъ ея вошли въ очень широкой степени общественныя силы. Это явленіе можно назвать социализаціей власти. При этомъ сначала къ участию въ государственной власти была призвана только небольшая группа людей, чаще всего имѣвшихъ большой имущественный цензъ, т. е. владѣвшихъ большими деньгами, землями, домами, помѣстьями. При такихъ условіяхъ социализація власти шла по направленію аристократизма, т. е. выдѣленія немногихъ, которые признавались за наиболѣе пригодныхъ. Но затѣмъ въ рядѣ странъ, съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права и ряда свободныхъ учреждений, а также въ связи съ усиленіемъ значенія рабочаго класса, сдѣланъ былъ рѣшительный поворотъ къ демократической социализаціи, т. е. къ привлеченію къ государственной работѣ широкихъ массъ трудового населенія. Въ конечномъ результатѣ демократическая социализація власти переходитъ въ социализмъ, т. е. въ такой строй, гдѣ вся государ-

ственная власть находится въ рукахъ широкихъ массъ населенія и гдѣ всѣ государственныя учрежденія и все народное хозяйство построены въ соотвѣтствіи съ интересами трудящейся массы населенія.

Привлеченіе общественныхъ силъ къ участию въ государственной власти произошло во всѣхъ трехъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Въ наукѣ и въ жизни прочно установилось раздѣленіе всей государственной дѣятельности на три вѣтви или функціи: законодательную, судебную и административную. Законодательная власть призвана къ тому, чтобы устанавливать общія правила поведенія гражданъ и воплощать эти правила въ законы, которымъ обязанъ повиноваться всякій. Она же вѣдаетъ наблюденіе надъ общей политикой государства и надъ расходованіемъ народныхъ денегъ. Судебная власть стоитъ на стражѣ соблюденія законовъ со стороны какъ частныхъ такъ и должностныхъ лицъ. Въ спорныхъ случаяхъ она указываетъ, на чьей сторонѣ находится право и оказываетъ необходимую поддержку, чтобы охранить это право отъ насилія и произвола. Наконецъ, власть административная призвана къ проведенію въ жизнь различныхъ мѣропріятій, предпринимаемыхъ государствомъ для достиженія общепользныхъ задачъ и для огражденія безопасности гражданъ. Соціализація власти различно выражается въ области каждой изъ этихъ трехъ властей. Въ области законодательства создаются

представительныя законодательныя учрежденія изъ депутатовъ отъ населенія. Входя сначала, какъ часть въ общій законодательный механизмъ, на ряду съ верхней палатой, состоящей изъ наслѣдственныхъ или пожизненныхъ членовъ или изъ представителей владѣльческихъ классовъ, и съ монархомъ, эти представительныя палаты затѣмъ умаляють до ничтожныхъ предѣловъ, а порою и совершенно вытѣсняють участіе верхнихъ палатъ и монарха, и создаютъ тѣмъ самымъ торжество демократіи въ области законодательства.

Въ области суда участіе общества выражается прежде всего въ формѣ присяжныхъ засѣдателей, рѣшающихъ по совѣсти вопросъ о виновности при болѣе тяжкихъ обвиненіяхъ, а также въ видѣ избранныхъ отъ населенія засѣдателей, рѣшающихъ въ числѣ двухъ или трехъ совмѣстно съ государственнымъ судьей всѣ дѣла меньшей важности. Далѣе то же общественное начало выражается въ самихъ условіяхъ дѣятельности суда, при которыхъ обезпечивается полная гласность производства, участіе общественныхъ организацій въ обвиненіи и защитѣ, устраненіе изъ процесса всего недостовернаго или нравственно-недоброкачественнаго доказательственнаго матеріала.

Наконецъ, въ области администраціи мы наблюдаемъ вытѣсненіе начала назначаемости началомъ выборности и развитіе самоуправленія и автономіи всякаго рода. Осуществленіе государственныхъ задачъ на мѣстахъ вручается мѣстнымъ представи-

тельнымъ органамъ самоуправленія, за дѣятельностью которыхъ центральная власть сохраняетъ только надзоръ и частичное руководство. При этомъ и здѣсь наблюдается постепенная демократизація самоуправления.

Всю ту область, въ предѣлахъ которой признается существующимъ строемъ участіе общественныхъ силъ въ осуществленіи задачъ государственной власти, можно назвать областью политической самостоятельности гражданъ. Чѣмъ болѣе демократиченъ государственный строй, тѣмъ большее количество гражданъ призваны къ политической самостоятельности и тѣмъ болѣе большой кругъ дѣйствій открывается для нихъ. Всякое развитое современное государство въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ знаетъ такую политическую самостоятельность и опирается на нее, какъ на необходимую свою предпосылку.

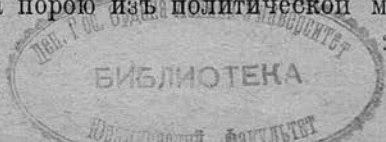
Введеніе общественнаго начала въ государственную жизнь позволило значительно расширить кругъ задачъ государства. При старомъ порядкѣ, чисто чиновномъ или, какъ его называли, бюрократическомъ, вѣдомственный интересъ ставился въ основаніе всего, причемъ въ лучшемъ случаѣ отдѣльные вѣдомственные интересы примирялись „правительственными видами и намѣреніями“, т. е. узкими политическими интересами правящихъ круговъ. При такихъ условіяхъ, естественно, вмѣшательство бюрократій душило свободную жизнь и приносило только вредъ. Общественное начало, устранивъ

вѣдомственный интересъ и подчинивъ общую политику, интересамъ не только правящихъ, но и широкихъ массъ населенія, обратило государственную власть на служеніе болѣе высокимъ началамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не явилось столь принудительнымъ для отдѣльной личности, какъ начало чисто правительственное. Общественное начало не отдѣлимо совершенно отъ начала личнаго и не можетъ ему быть противопоставляемо. Оно возникаетъ, какъ результатъ проявленія каждымъ своихъ стремленій, стоящихъ въ согласіи съ интересами цѣлаго. Общество, какъ свободное единеніе отдѣльныхъ личностей, соединяетъ и организуетъ отдѣльныя стремленія, но не подавляетъ ихъ. Поэтому именно при господствѣ общественнаго начала права личности могутъ получить свое болѣе полное выраженіе, а сама личность — наиболѣе широкій просторъ для своего проявленія. Противопоставленіе личности и государства, столь рѣзкое при чисто чиновничьемъ строѣ, теряетъ свою остроту при строѣ общественно-государственномъ. Грядущій же социализмъ мыслить личность какъ свободную участницу всей совокупности государственной власти. Но этотъ идеалъ еще не такъ близокъ, и въ рамкахъ настоящаго приходится заботливо опредѣлять права какъ государственной власти, такъ и свободной личности.

Чтобы разобратъ въ этомъ вопросѣ, мы обособимъ нѣсколько видовъ публичной свободы и постараемся обрисовать каждый изъ нихъ въ

отдѣльности. Иначе общее содержаніе правъ свободной личности для насъ будетъ неясно. Всѣ права личности на свободу въ современномъ строѣ можно свести къ тремъ видамъ: права личной свободы, права гражданской свободы и права политической свободы.

219846
Къ правамъ личной свободы относятся всѣ тѣ случаи, въ которыхъ затрагивается область частныхъ правъ и благъ гражданина — его личность, семья, жилище, имущество. Нарушеніе свободы здѣсь выражается въ самовольномъ вторженіи власти или какого либо другого частнаго лица въ область гражданскихъ правъ лица. Обыкновенно уголовный законъ защищаетъ основныя правовыя блага каждого, его жизнь, тѣлесную неприкосновенность, честь, имущество, семейныя права, и нарушеніе этихъ благъ, испытываемое какъ извѣстное посягательство на свободу, карается порою тяжкими наказаніями. Но исторически власть въ видѣ привилегій сохранила за собою право самовольнаго вмѣшательства въ область этихъ правъ ради тѣхъ или иныхъ своихъ цѣлей. Эти привилегіи государственной власти и породили вопросъ о гарантіяхъ личной свободы. Такъ, очень часто органы государственной власти прибѣгали къ нарушенію права неприкосновенности личности посредствомъ арестовъ, высылкъ, содержанія подъ стражей на долгіе сроки. Дѣлалось это безъ разрѣшенія суда, по очень слабымъ подозрѣніямъ въ виновности, а порою изъ политической мести.

Неприкосновенность жилища нарушалась обысками производившимися внезапно при одномъ подозрѣніи въ томъ, что у человѣка хранится что либо нежелательное для власти или скрывается опасный человѣкъ. Тайна корреспонденціи нарушалась вскрытіемъ писемъ въ „черныхъ кабинетахъ“ или выемками почтовой корреспонденціи, для чего было достаточно распоряженія жандармской власти. Органы розыска имѣли возможность свободно рыться въ бумагахъ подозрѣяемаго лица и брать все, что имъ только казалось подозрительнымъ. Неприкосновенность частной собственности нарушалась произвольными штрафами, конфискаціями, уничтоженіемъ вредныхъ произведеній печати и т. д. При такихъ условіяхъ личность не имѣла достаточной защиты въ своихъ частныхъ правахъ противъ произвола государственной власти и требовала выработки болѣе надежныхъ законовъ (гарантій) противъ такихъ дѣйствій. Конечно, нельзя отрицать, что государственная власть можетъ имѣть нужду въ томъ, чтобы задержать человѣка, совершившаго преступленіе или грозящаго опасностью для другихъ, или въ томъ, чтобы обыскать какое либо помѣщеніе, гдѣ по всѣмъ вѣроятіямъ хранятся важныя доказательства по дѣлу или гдѣ скрылся преступникъ. Но было бы большимъ неуваженіемъ къ личной свободѣ другихъ, еслибы рѣшеніе вопроса о допустимости или недопустимости такой мѣры было всецѣло предоставлено тому органу власти,

которому въ этомъ встрѣтилась надобность. Личная свобода всѣхъ и каждого была бы тогда въ большой опасности. Необходимо, чтобы всегда требовалось предварительное разрѣшеніе суда, который обсудилъ бы безпристрастно, имѣются ли къ тому законныя и достаточныя основанія, и тогда только разрѣшилъ принятіе нужной принудительной мѣры. Судъ здѣсь будетъ стоять на стражѣ законности и интересовъ личности противъ возможныхъ злоупотребленій. Только для крайнихъ случаевъ, когда человѣка поймали на мѣстѣ преступленія и вина его не вызываетъ сомнѣнія или когда принятіе такой мѣры не терпитъ отлагательства, предоставляется произвести арестъ или обыскъ безъ разрѣшенія суда, но за полной отвѣтственностью въ томъ случаѣ, если эта мѣра затѣмъ не будетъ подтверждена судомъ.

Огражденіе правъ личной свободы необходимо прежде всего. Какъ человѣкъ будетъ бороться за лучшій строй, за обновленіе родины, если каждую минуту онъ можетъ быть схваченъ, обысканъ, высланъ, оштрафованъ и т. п. Въ немъ не будетъ ни стойкости, ни спокойствія. Онъ будетъ всецѣло въ рукахъ той произвольной власти, которая сможетъ распоряжаться этими средствами. У насъ уже въ 1864 г. составители Судебныхъ Уставовъ ввели нѣкоторыя гарантіи противъ произвольнаго нарушенія неприкосновенности личности и жилища. Въ рамкахъ стараго самодержавнаго строя они едва ли могли создать что либо большее. Но

и ихъ постановленія скоро были совершенно лишены значенія изданіемъ въ 1881 г. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка, которое дало возможность губернаторамъ, градоначальникамъ, жандармской власти, министру внутреннихъ дѣлъ и др. держать подъ стражей мѣсяцы безъ суда и слѣдствія, налагать штрафы, производить высылки и т. п. Нигдѣ личная свобода не была такъ мало обезпечена, какъ у насъ въ послѣдніе годы, хотя въ нашихъ основныхъ законахъ 1906 г. и красовались слова: „никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ въ законѣ опредѣленныхъ“ (ст. 73), „жилище каждаго неприкосновенно“ (ст. 75), „собственность неприкосновенна“ (ст. 77). Это доказываетъ лишь, что одно провозглашеніе правъ еще не дѣлаетъ ихъ прочными въ жизни. Для укрѣпленія ихъ нужна переработка всего законодательства и воспитаніе власти и населенія въ духъ уваженія этихъ правъ.

Вторую группу правъ личности составляютъ права гражданской свободы. Этотъ видъ свободы предполагаетъ устраненіе различныхъ государственныхъ стѣсненій въ области той или иной общественной дѣятельности. Этотъ видъ свободы не связанъ такъ тѣсно съ участіемъ въ политической жизни, а представляетъ скорѣе отрицаніе устарѣлыхъ формъ государственной опеки или протестъ противъ невызываемыхъ общественными интересами ограниченій правовой

сферы личности. Содержание правъ гражданской свободы значительно мѣняется въ ходѣ исторіи. Въ началѣ XIX вѣка ихъ видѣли въ устраненіи тѣхъ искусственныхъ правовыхъ ограниченій, которыя тяготѣли надъ отдѣльными сословіями, которыя ставили помѣхи свободной промышленной и торговой дѣятельности. Отсюда возникло начало гражданского равноправія, т. е. признанія того, что государство не должно ставить объемъ правъ какого либо лица въ зависимость отъ принадлежности его къ тому или иному сословію, національности, исповѣданію. Съ другой стороны, каждый имѣетъ свободу занятій промыслами, торговлей, ремесломъ, для чего должны быть устранены цѣхи, монополіи, привилегіи, особые льготы и пр., предоставлявшіяся раньше отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ. Всѣ должны быть свободны и равны по своимъ правамъ въ области экономического соревнованія и борьбы.

Въ половинѣ XIX вѣка наступилъ переломъ такъ называемаго „полицейскаго государства“, подъ которымъ разумѣли государство, пытавшееся въ интересахъ безопасности и спокойствія стѣснить свободу своихъ гражданъ всякими полицейскими постановленіями. Такъ, каждый долженъ былъ имѣть паспортъ и за каждымъ его случаемъ отлучки былъ установленъ надзоръ; въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ онъ не имѣлъ права поселяться, въ другихъ—срокъ его пребыванія былъ ограниченъ извѣстнымъ временемъ. У насъ,

напримѣръ, до отмѣны этого актомъ временнаго правительства, евреи, не пользовавшіеся особыми льготами, не могли жить внѣ предѣловъ черты еврейской осѣдлости и въ практикѣ создавалась особая отрасль полицейскаго права, посвященная всевозможнымъ толкованіямъ этихъ безсмысленныхъ ограниченій, оставшихся чуть не отъ среднихъ вѣковъ. Провозглашеніе свободы передвиженія знаменуетъ собою устраненіе этихъ правилъ и признаніе за каждымъ права свободнаго избранія мѣста жительства и перемѣны его, поскольку онъ не будетъ въ этомъ правѣ ограниченъ судомъ.

Или другой примѣръ гражданской свободы. На почвѣ вѣроисповѣдныхъ различій и покровительства со стороны государства определенной вѣрѣ развилось подробное право, наложившее различныя стѣсненія на отдѣльныхъ гражданъ. Такъ, отъ лицъ православной вѣры у насъ требовалось закономъ непремѣнное ежегодное хожденіе къ исповѣди, отъ чиновниковъ—бываніе по воскреснымъ днямъ у обѣдни, крещеніе дѣтей непремѣнно по обрядамъ своей вѣры, воспрещалось вступленіе въ бракъ съ нехристіанами и пр. Лицамъ неправославнымъ воспрещалось распространять свою вѣру публичной проповѣдью, а порою даже публично совершать обряды своего исповѣданія. Каждый долженъ былъ принадлежать къ какой либо вѣрѣ. Права католиковъ, евреевъ, магометанъ были ограничены вслѣдствіе принадлежности ихъ къ опредѣленному исповѣданію.

Провозглашеніе вѣроисповѣдной или религіозной свободы устраняетъ всѣ эти пережитки, и предоставляетъ каждому вѣрить такъ, какъ онъ хочетъ, и исполнять такіе обряды которые онъ считаетъ соотвѣтствующими своей вѣрѣ.

Долгое время правительственная власть, ограждавшая по преимуществу интересы владѣющихъ классовъ, видѣла въ объединеніи рабочихъ въ профессиональные союзы и въ стачкахъ рабочихъ опасное средство и потому всячески запрещала существованіе такихъ союзовъ и наказывала за участіе въ стачкахъ. Однако развитіе промышленности и укрѣпленіе рабочаго класса показало всю тщетность такой борьбы, и въ результатъ была провозглашена свобода профессиональных союзовъ и стачекъ (коалиціонная свобода), признанная нынѣ почти всѣми культурными странами.

Приведенные примѣры можно было бы значительно увеличить. Такъ можно было бы говорить о свободѣ преподаванія и академической свободѣ, провозглашенной противъ стремленія государства навязать школѣ свои точки зрѣнія и свои виды; о торговой свободѣ, какъ протестъ противъ опредѣленія государствомъ цѣнъ на продукты, мѣста рынковъ и т. п.; о свободѣ въ области образованія нѣкоторыхъ видовъ предпріятій, теперь могущихъ открыться только съ разрѣшенія власти, какъ аптеки, банки, акціонерныя общества и т. д. Но всѣ эти виды гражданской свободы будутъ

развитіемъ одного общаго положенія: стремленія устранить какую либо форму государственнаго стѣсненія частной дѣятельности въ цѣляхъ проявленія большей широты этой послѣдней. Въ настоящее время эта потребность раскрѣпощенія частной инициативы въ Россіи чувствуется особенно остро, и обезпеченіе различныхъ видовъ гражданской свободы путемъ отмѣны устарѣлыхъ полицейскихъ, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ является дѣломъ первой необходимости.

Наконецъ, третьимъ и важнѣйшимъ видомъ правъ личности являются права политической свободы. Эти права являются частью болѣе широкаго понятія политическихъ правъ вообще. Политическія или конституціонныя права состоятъ въ свободѣ политическаго самоопредѣленія и активного участія гражданина въ области государственной жизни. Положительными политическими правами являются права подавать голосъ на выборахъ и быть избираемымъ въ государственныя представительныя учрежденія, участвовать въ постановленіяхъ публичнаго характера, занимать должности по государственной и общественной службѣ, право быть присяжнымъ засѣдателемъ, право подачи петицій въ законодательныя учрежденія и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ воля гражданина придается извѣстное публично-правовое значеніе и онъ участвуетъ совместно съ другими въ общемъ руководствѣ государственной жизнью. Другую группу политическихъ правъ

составляют отрицательныя политическія права или права политической свободы. Подъ ними мы разумѣемъ права, обезпечивающія возможность опредѣлять свою политическую дѣятельность въ соотвѣтствіи со своими убѣжденіями и распространять свои политическія убѣжденія въ обществѣ, не испытывая препятствій со стороны государственной власти, Политическая свобода включаетъ въ себя свободу слова, свободу печати, собраній союзовъ, свободу избирательнаго голоса и т. д. Всѣ эти права мыслимы лишь въ предѣлахъ политическаго общенія и содержаніемъ своимъ имѣютъ прежде всего извѣстныя политическія идеи. Конечно, въ извѣстной степени въ нихъ находятъ свое выраженіе гражданская свобода, поскольку тѣ или инныя ограниченія въ области слова, союзовъ, печати вызваны чисто полицейскими, а не политическими основаніями. Но центр тяжести этихъ правъ все же лежитъ въ ихъ политическомъ содержаніи.

Свобода словъ состоитъ въ возможности, безпрепятственно и не опасаясь преслѣдованій, публично или непублично излагать свои мысли, поскольку въ нихъ не содержится прямыхъ угрозъ кому либо; клеветы или подстрекательства къ какому либо преступленію. Эти ограниченія свободы слова вызваны необходимостью предупредить опасныя вспышки гнѣва и ожесточенія.

Свобода печати состоитъ въ правѣ писать и печатать, не требуя ничьего разрѣшенія, все, что

сочинитель считаетъ правильнымъ и полезнымъ для общаго свѣдѣнія, за исключеніемъ фактовъ, неосновательно позорящихъ чужую честь или призывовъ къ насилію.

Свобода собраній сводится къ праву всѣхъ и каждаго собираться вмѣстѣ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ или подъ открытомъ небомъ для совмѣстнаго обсужденія какихъ либо вопросовъ или для проявленія своего отношенія къ какимъ либо фактамъ общественной или политической жизни (демонстраціи).

Наконецъ, свобода союзовъ состоитъ въ правѣ образовывать безъ чьего либо разрѣшенія общества, союзы, организаціи, преслѣдующія политическія или инныя цѣли и совмѣстными усиліями стремиться къ осуществленію этихъ цѣлей.

Почти въ каждой странѣ имѣются особые законы, опредѣляющіе порядокъ пользованія правами политической свободы. Въ старомъ законодательствѣ господствовалъ такъ называемый разрѣшительный порядокъ. Всякій, желавшій издавать газету или журналъ, образовывать общество или созвать собраніе, долженъ былъ обращаться за разрѣшеніемъ къ полицейской власти, и полиція могла отказать въ этомъ или, если она соглашалась, то строго смотрѣла, чтобы получившій разрѣшеніе не вышелъ изъ рамокъ ему разрѣшеннаго. Каждый номеръ газеты или каждая книга должны были до своего выхода въ свѣтъ представляться въ цензуру, которая вычеркивала все то, что она считала вреднымъ или нежела-

тельнымъ для существующаго строя. Каждое общество должно было выработать уставъ, каждая статья котораго подвергалась тщательному изученію со стороны полиціи предъ разрѣшеніемъ и при малѣйшей политической окраскѣ дѣятельности общества оно немедленно закрывалось.

Нѣсколько болѣе мягкой является порядокъ, называемый явочнымъ. Онъ состоитъ въ томъ, что о всякомъ изданіи (газетѣ, журналѣ), о всякомъ созываемомъ собраніи или вновь образуемомъ обществѣ заблаговременно доводится до свѣдѣнія полицейской власти, которой предоставляется или вовсе не допустить изданія, собранія или общества, если оно считаетъ его опаснымъ для государственной безопасности или для добрыхъ нравовъ, или принять мѣры къ наблюденію за тѣмъ, чтобы дѣятельность ихъ протекала въ законныхъ рамкахъ и въ случаѣ нарушенія ихъ, чтобы виновные были привлечены къ отвѣтственности. Явочный порядокъ предполагаетъ, поэтому, особый усиленный надзоръ со стороны полиціи надъ печатью, собраніями и обществами. Какъ переходная форма, этотъ порядокъ сохраняется еще въ рядѣ государствъ, но и онъ, въ сущности, несовмѣстимъ съ политической свободой.

Демократическая постановка правъ политической свободы требуетъ не только отсутствія стѣсненій въ области этихъ правъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ политическимъ самоопредѣленіемъ, но и въ извѣстныхъ случаяхъ

помощи со стороны государства къ осуществленію ихъ. Такая помощь выражается въ безвозмездномъ предоставленіи для собраній публичной важности государственныхъ или городскихъ зданій, какъ театры, школы, мѣста собраній и т. д. По отношенію къ печати—въ установленіи льготныхъ почтовыхъ и иныхъ тарифовъ, устраненіи особыхъ налоговъ по отношенію къ произведеніямъ печати; по отношенію къ обществамъ—въ предоставленіи государственной матеріальной поддержки обществамъ, преслѣдующимъ публично-важныя цѣли или въ предоставленіи имъ особыхъ публичныхъ правъ. Словомъ демократическое государство, не ограничивается лишь проведеніемъ начала невмѣшательства въ права политической свободы, но и проводитъ начала покровительства ихъ наиболѣе широкому осуществленію.

И въ самомъ дѣлѣ, широкое развитіе этихъ правъ въ демократіи является необходимымъ условіемъ правильнаго ея существованія. Демократія построена на признаніи общей воли народа высшимъ закономъ. Но путь сочетанія отдѣльныхъ волей вмѣстѣ и общаго сведенія ихъ къ единому рѣшенію является крайне труднымъ и сложнымъ. Необходима громадная работа уясненія въ широкихъ массахъ cadaго возникающаго въ жизни вопроса, что является возможнымъ только при напряженной политической пропагандѣ путемъ слова, печати, собраній или путемъ организованной дѣятельности различныхъ обществъ

Права политической свободы являются мощными рычагами, движущими массы демократіи и формирующими разсѣянное и неорганизованное общественное мнѣніе въ извѣстное политическое рѣшеніе.

Исторія европейскихъ народовъ развертываетъ намъ яркія и интересныя страницы борьбы за каждый изъ указанныхъ видовъ политической свободы. О нихъ слѣдуетъ намъ помнить, когда мы вступаемъ въ полосу свободной политической жизни. Исторія учитъ насъ, что свободѣ можетъ угрожать не только власть, но и отсутствіе выдержки и терпимости въ самомъ обществѣ. Какъ бы ни непріятны были намъ развиваемые другими взгляды или нежелательны возникающія общественныя организаціи, мы не вправѣ насиліемъ мѣшать имъ. На стражѣ злоупотребленій свободой стоитъ уголовный законъ. Въ своихъ статьяхъ онъ указываетъ, когда пользованіе свободой становится опаснымъ для правовыхъ благъ окружающихъ и когда можно вмѣшаться для охраны этихъ благъ. Нарушеніе уголовного закона даетъ власти возможность прекратить это злоупотребленіе свободой, а затѣмъ судъ присяжныхъ выносить свой вердиктъ осужденія или оправданія тому, кто злоупотребилъ этимъ правомъ. Какъ замѣчаютъ англичане, свобода слова состоитъ въ правѣ говорить все то, что 12 разсудительныхъ гражданъ (присяжныхъ) признаютъ не преступнымъ. Само общество въ лицѣ присяжныхъ ставитъ границы свободному слову, а уголовный

законодатель дать присяжнымъ только нѣкоторые руководящія указанія.

Въ Россіи вѣками личность была подавлена крѣпостничествомъ и царскимъ самовластьемъ. Для развитія высокаго гражданскаго чувства не было простора ни въ частныхъ, ни въ общественно-публичныхъ отношеніяхъ. Судебные Уставы 1864 г. впервые выдвинули у насъ идею личности и отчасти поставили права личной свободы подъ защиту суда. Но въ области гражданской и политической свободы они не сдѣлали почти ничего. И это въ значительной мѣрѣ понятно. Уставы создавались тогда, когда полицейское государство было во всей своей силѣ. Вѣянія, направленные къ раскрѣпощенію личности сумѣли проявиться только въ освободительной реформѣ 1861 г. и въ отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній въ 1863 г. У насъ еще не было правового строя въ правильномъ смыслѣ, такъ какъ исполнительная власть еще не стояла въ полномъ подчиненіи закону и подъ бдительнымъ контролемъ суда. Послѣдующее пятидесятилѣтіе въ русской жизни явилось не движеніемъ впередъ, а временемъ реакцій, когда въ значительной мѣрѣ было разрушено даже то немногое, что было сдѣлано въ 1864 г. Манифестомъ 17 октября 1905 г. были провозглашены у насъ права политической (но не гражданской) свободы, но они остались только написанными на бумагѣ. Еще предъ началомъ засѣданій первой Гос. Думы спѣшно вырабатывались „времен-

ныя правила“ о печати, о собраніяхъ, о союзахъ и т. п., которыя, несмотря на свой случайный характеръ, просуществовали у насъ болѣе десяти лѣтъ. Они нѣсколько ослабили существовавшую раньше разрѣшительную систему, но зато обрушили на печать и на политическихъ дѣятелей рядъ грозныхъ наказаній, назначавшихся пристрастными судами сословныхъ представителей. Война принесла дальнѣйшія стѣсненія въ области цензуры—введя военную цензуру и надзоръ надъ собраніями. И только съ февральскимъ переворотомъ свѣтъ свободы ярко засіялъ на нашей родинѣ. Временное правительство провело уже рядъ законовъ, расширившихъ гражданскую и политическую свободу. Осуществлена свобода передвиженія, свобода печати, собраній, союзовъ, открыто широкое поприще политическаго состязанія партій. Мощными ударами оно разбило оковы, сковывавшіе народную мысль и народную волю, и словно богатырь Илья - Муромецъ, который сиденемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года, русскій народъ сталъ расправлять свои богатырскія силы послѣ долгаго сна. Въ словѣ „свобода“ таится громкій призывъ къ движенію впередъ, къ творческой работѣ, но въ немъ же таится и сознаніе отвѣтственности, ибо отнынѣ каждый изъ насъ становится частью государства и несетъ предъ потомствомъ отвѣтственность за будущее родины.

52-
ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ“.

ВЫШЛИ:

- Т. А. Богдановичъ.—Великіе дни революціи. Ц. 15 к.
П. В. Герасимовъ.—Новый строй и права свободныхъ гражданъ. Ц. 15 к.
Н. Овсянниковъ.—Что такое Учредительное Собрание и Основные законы. Ц. 8 к.
В. В. Португаловъ.—Царствование послѣдняго Романова. Ц. 15 к.
Ив. Лукашъ.—Волинцы. Ц. 15 к.
Ив. Лукашъ.—Преображенцы. Ц. 15 к.
Я. Я. Гуревичъ.—О государственномъ управленіи. Ц. 15 к.
Т. А. Богдановичъ.—Почему мы воюемъ?
Ив. Лукашъ.—Павловцы.
Сборнички „Освобожденная Россія“. Вып. I. Ц. 10 к.

Л И С Т К И:

- В. Г. Короленко.—Отечество въ опасности.
Г. В. Плехановъ.—Задачи русскаго рабочаго класса.
В. В. Водовозовъ.—Учредительное Собрание.
В. В. Водовозовъ.—Кто будетъ выбирать въ Учред. Собрание.
Т. А. Богдановичъ.—Русскій призывъ и нѣмецкій отвѣтъ.
Н. А. Бородинъ.—Казакъ—друзья свободы.
Угроза Вильгельма.

52035566

СФ СПбГУ

НІЯ:

а 28 тел. 226-72.

Типографія І. Лурье и К°. Гороховая, 48.